

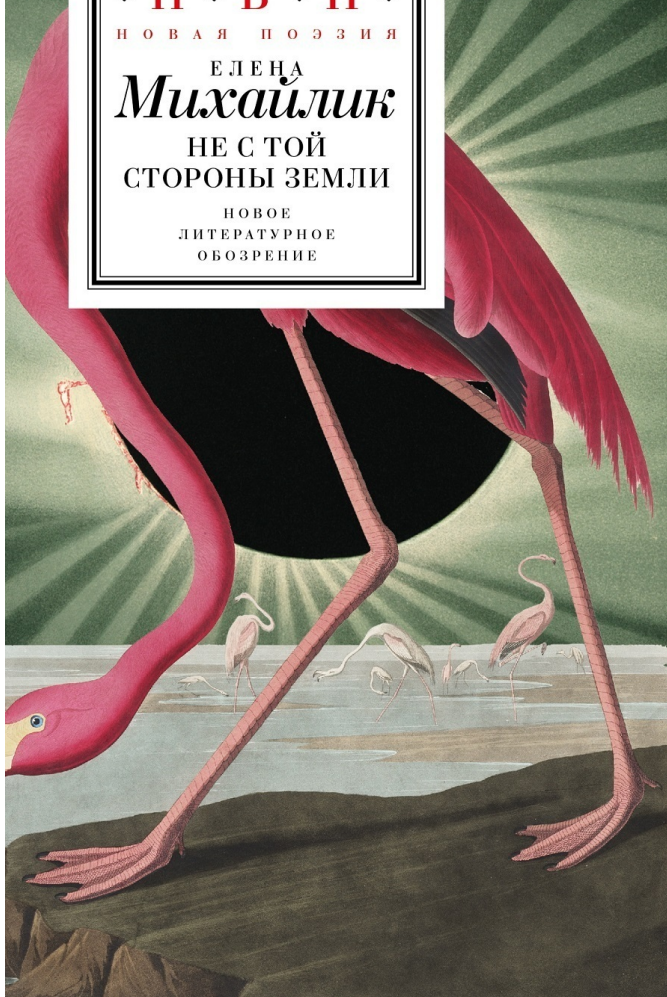
* Н * В * П *

Н О В А Я П О Э З И Я

ЕЛЕНА
Михайлик

НЕ С ТОЙ
СТОРОНЫ ЗЕМЛИ

Н О В О Е
Л И Т Е Р А Т У Р Н О Е
О Б О З Р Е Н И Е

Елена Юрьевна Михайлик
Не с той стороны земли
Серия «Новая поэзия (Новое
литературное обозрение)»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69904582

Не с той стороны земли: Новое литературное обозрение; Москва; 2024

ISBN 9785444823311

Аннотация

Ученый, постоянно склонный к игре, переводчик, бережно и азартно нарушающий границы языковых регистров, поэт, постоянно меняющийся и не желающий останавливаться в своих превращениях, Елена Михайлик являет читателю мир, полный странного, страшного и тревожного. Это мир-фантазмагория захватывающей и мучительной сказки странствий и одновременно фольклорной экспедиции, цель которой – изучать такие страшные сказки, но которая сама оказалась в процессе блуждания и, возможно, заблуждения. Елена Михайлик родилась в Одессе, окончила филологический факультет ОГУ. С 1993 года живет в Сиднее, преподает в университете Нового Южного Уэльса. Доктор философии. Стихи и статьи публиковались в антологии «Освобожденный Улисс», журналах «Арион», «Воздух», «Дети Ра», «Новый мир», «Новое литературное обозрение». Премия Андрея Белого в номинации «Гуманитарные

исследования» (2019) за монографию, посвященную творчеству Варлама Шаламова. Автор трех книг стихов: «Ни сном, ни облаком» (Арго-Риск, 2008), «Экспедиция» (Литература без границ, 2019), «Рыба сказала „да“» (Кабинетный ученый, 2021).

Содержание

ЧаЩа пиши через букву «Я»	9
Часть первая	17
«Действительность, от которой воздух легкие рвет...»	17
«разные смеси меда, ни яда...»	18
«От лесотундры до небританских теплых морей...»	19
«Ты хочешь сказать, что этот шлимазл...»	20
«По болоту, по крылья в зеленом лягушечьем тираже...»	22
«Уважающая себя женщина останавливает быка...»	23
Горнорудный вальс	25
«Ты проснешься, увидишь, что время село на мель...»	26
«Встала из мрака богиня соленых вод...»	28
«Откапывая очередное завтра, глядя как крошится земля...»	30
«Составить до половины список больших кораблей...»	31
«Случайно нашел пропавшие Варовы легионы...»	32
«Сбежала какая-то сволочь, украв луну...»	33

«Заходил василиск, подарил василек...»	35
«Является скучная сухая вареная рыба...»	36
«Молодежь разучилась не только пить...»	37
«Ветер встал от восточных гор, закрывая дорогу в Сад...»	39
«Архивная мышь, успешно проскочив Аргонат...»	41
«Место рядом с водителем...»	43
«Светофор на углу превратился в орла...»	44
«На прибрежной тропе, где церковный звон...»	45
«Об отечественных филологических школах...»	46
«Авианосец болен, матросы с него бегут...»	48
«Генетическая разница между двумя видами кукурузы...»	50
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Елена Михайлик

Не с той стороны земли

УДК 821.161.1.09

ББК 83.3(2Рос=Рус)6

М69

Предисловие П. Барсковой

Елена Михайлик

Не с той стороны земли / Елена Михайлик. – М.: Новое литературное обозрение, 2024. – (Серия «Новая поэзия»).

Ученый, постоянно склонный к игре, переводчик, бережно и азартно нарушающий границы языковых регистров, поэт, постоянно меняющийся и не желающий останавливаться в своих превращениях, Елена Михайлик являет читателю мир, полный странного, страшного и тревожного. Это мир-фантазмагория захватывающей и мучительной сказки странствий и одновременно фольклорной экспедиции, цель которой – изучать такие страшные сказки, но которая сама оказалась в процессе блуждания и, возможно, заблуждения. Елена Михайлик родилась в Одессе, окончила филологический факультет ОГУ. С 1993 года живет в Сиднее, преподает в университете Нового Южного Уэльса. Доктор философии. Стихи и статьи публиковались в антологии «Освобожденный Улисс», журналах «Арион», «Воздух», «Дети Ра», «Новый мир», «Новое литературное обозрение». Премия Андрея Бе-

лого в номинации «Гуманитарные исследования» (2019) за монографию, посвященную творчеству Варлама Шаламова. Автор трех книг стихов: «Ни сном, ни облаком» (Арго-Риск, 2008), «Экспедиция» (Литература без границ, 2019), «Рыба сказала „да“» (Кабинетный ученый, 2021).

В оформлении обложки использованы фрагменты работ: Гравюра Р. Хэвелла по рисунку Дж. Дж. Одюбона «Американский фламинго», 1838 г. Gift of Mrs. Walter B. James. Национальная галерея искусства, Вашингтон / The National Gallery of Art, Washington. Литография Э. Л. Трувелло «Полное затмение Солнца. 29 июля 1878 г.», 1881–1882 гг. Rare Book Division, The New York Public Library, Astor, Lenox and Tilden Foundations. Метрополитен-музей, Нью-Йорк / The Metropolitan Museum of Art, New York.

ISBN 978-5-4448-2331-1

© Е. Михайлик, 2024

© П. Барскова, предисловие, 2024

© М. Шрейдер, фото, 2024

© И. Дик, дизайн обложки, 2024

© ООО «Новое литературное обозрение», 2024

ЧаЩа пиши через букву «Я»

Перед нами новая книга Елены Михайлик, удивительного «чудовища» современной русской поэзии, если под чудовищем, как древние греки, понимать сочетание несочетаемых сегментов: змеи и красавицы; бычьей головы и неотразимого мужского тела; падающего на Эрмитаж и Данаю кислотного дождя из золота, желания, печали.

Чудовища изумляют, поражают нас своей сущностью, природой, зрелищем, умением сильнее, чем оружием. Михайлик: поэт, филолог, историк, переводчик: все эти не вполне неожиданные в нашем ремесле элементы сочетаются, и результат причудлив: перед нами ученый, постоянно склонный к игре, переводчик, бережно и азартно нарушающий границы языковых регистров, поэт, постоянно изменяющий себе, своему установившемуся состоянию с новыми путями: Михайлик не желает останавливаться в своих превращениях.

Вот один из ее текстов, который я помню наизусть, для меня «образцовый», то есть такой, в котором представлены важнейшие черты ее особой игры:

*Белоглазое змеечудовище наблюдается у мыса Чауда,
рота красноармейцев пешим порядком
направлена навстречу ему,*

*какие зоологи, экспедиции, прочая музейная ерунда?
Известно, что делать с белым гадом в 21 году, в Крыму.*

*Он может рассчитывать только на то,
что причерноморские города
много старше любых властей, немногим моложе
костей земли,
на то, что чудовищ вовек хранит негостеприимная
неживая вода,
и красноармейцы нырнут туда, забыв, откуда пришли.*

*Теперь они бродят по мелководью,
собирают яшму и сердолик,
чудятся случайным прохожим,
пьют у Волошина чай с вареньем,
их мир погас как солнце в стекле,
большие некого брать на штык,
и только змей утешает их, берега оглашая шипеньем.*

2011–2012

«Белый гад» превращается здесь из исторического, политического, временного – и от этого трагического, – в древнего, вечного, в фантазм, но фантазм иронический. Катастрофа Белой армии, конец истории отодвигаются на мгновение, и от этого возникает то самое мерцание остранения, ради чего мы и делаем стихи. Красноармейцы, познакомившись с дружелюбным чудовищем истории, бродят по пляжу в поисках сердоликов и гоняют чай с Волошиным: предел не отме-

нен, не отложен, он обыгран: чудовище становится утешителем. Также важно, что вся эта затея, забава «чудится случайным прохожим» – все это морок и гротеск, каприз воображения, но воображения горестного, уязвленного. Как заметил в одном из лучших и самых безнадежных, трезвых своих стихов Фет, «может выйти игра роковая»: там шла речь, конечно, о любви, а здесь речь идет, конечно, о любви к истории: любви зрячей и изобретательной, и безнадежной.

Новая книга стихов Елены Михайлик показывает, является читателю мир, полный странного, страшного, тревожного, но также – полный и пустоты: людей здесь гораздо меньше, чем призраков. Можно представить себе, что автор/повествователь/голос этих стихов придумывает для/вокруг себя волшебный лес, где можно спрятаться от происходящего с нами сегодня: можно представить себе, что автор сама стала этим лесом. Можно представить себе, что мы оказываемся в захватывающей и мучительной *сказке странствий* (одна из отметин нынешнего поколения дошедших до «половины жизни»: дикий фильм-фантазмагория Александра Митты о чуме, драконах и надежде), но можно представить себе, что мы оказываемся в фольклорной экспедиции, чья цель – изучать такие страшные сказки, возможно, оказавшейся в процессе блуждания, заблуждения:

*По болоту, по крылья в зеленом лягушечьем тираже
бродит птица выпь в именительном падеже*

*и откуда взялась, никого не спросишь уже,
потому что ушли в словари мещёра, мера и весь
и одна морошка морочит путников здесь,
обиивает кочки, раскидывает желтую сеть,
имитирует север, до которого лететь и лететь.*

Есть соблазн назвать такое письмо невероятно модным в моих нынешних болотах словом «экопоэзия», то есть поэзия, обращающая и переключаящая свое внимание на окружающую среду, на то, что вне нас, не мы. Безусловно, Михайлик пользуется этой палитрой, но, как мне кажется, она смешивает краски с иной целью, чем большинство пишущих сегодня о чувствах деревьев и будущем камней: главными вопросами этого собрания стихов (если у книги стихов вообще могут быть объединяющие, обрамляющие ее вопросы) являются те, что ведут к поиску других возможностей, иного пространства, не только вне себя, вне нас, но и после нас: это стихи про историю, которую мы все довели до точки невозможности.

Что вообще возможно в этом мире, помимо сообществ, которые не справились, как сейчас зачастую кажется, с задачами этой жизни? Куда, в какую непролазную диковинную чащу может уйти человек, который ищет жизни помимо человеческого: жизни птиц, трав, всякой нечисти, толпы призраков?.. По версии Михайлик, поэзия внимания к окружающей среде оказывается сродни галлюцинациям Лема/Тарковского: она не столько изучает, отображает окружающее,

сколько выявляет скрытое, скрываемое в мире эмоций наблюдателя. Повествователь, лирический нарратор этих стихов: вот именно что ботан/ик, знайка, оказавшийся в ситуации, когда одних знаний, какими бы обширными они ни казались, уже не хватает (при этом познания Михайлик-исследовательницы невероятны, знать – это не только ее метод, но и страсть):

*Встала из мрака богиня соленых вод,
на Пастернака, метеоролог, труби поход,
хлещет потоп, зеленый, фиолетовый, золотой,
от начала времен параллельно ничьей земле,
это все он со своей неуверенной правотой
и контрабандными чернилами в феврале,
встала его обида от Антарктиды, от солнечных
ледников,
город чихнул и пропал из виду,
а также из писем и дневников,
у остановки – автобусов нет,
остается ждать бригаنتين,
дышит ливнёвка на ладан,
на чубушник и на жасмин...*

Ее переключки, соединения с русской модернистской литературой носят характер именно страсти, но в разных значениях этого термина, включая страсть как страдание, испытание.

Если у Пастернака стремление к обладанию естественным

миром с его дождями, цветами, грозами носит характер постоянного открытия, стремления к слиянию и обладанию, радости от огромности, сложности бытия, в которое оказывается включен наблюдающий и пишущий, то у Михайлик, перечитывающей Пастернака в эпоху новых катастроф, совершаемых человеком, мы ощущаем постоянную сдерживаемую горечь несоответствия того, что нам имеет предложить эта природа, и того, что причиняет ей и себе человек.

Пере- и прорабатывая известную сентенцию «не то, что мните вы, природа», Михайлик предлагает, что природа для человека – это ощущение конечности, невозможности: что-то вроде двери или занавеса, платонической пещеры: мы видим тени, мерцающие на ее стене, мы даже можем их описывать, обводить своими словами силуэты, мы можем томиться по ней, но окончательно перейти в нее, стать ею мы не можем.

Михайлик наблюдает и намечает для нас здесь границу между историей и природой и, о да, граница эта на замке.

Читая эту книгу выдумщицы и ученой, книгу изумления и разочарования, я вспоминаю другую очень важную для меня книгу: военные «Воспоминания» эрмитажника Николая Никулина:

Между тем природа кругом оживала. Подсыхала почва, появилась первая трава, набухали почки. Я, городской житель, впервые ощутил связь с матушкой-землей, вдыхал неведомые мне запахи и оживал сам

вместе с окружающим миром. Проходила дистрофия, от чрезмерной работы наливались мышцы, тело крепло и росло – было мне девятнадцать. Если бы не война, эта весна в лесу была бы одной из самых прекрасных в моей жизни ¹.

Никулин пишет о войне, о напластованиях трупов, о том, как разлагается авторское, индивидуальное «Я» в жерновах отвратительной, чудовищной истории, при том, что вокруг цветет «матушка-земля». Постоянное болезненное сочетание прекрасного и страшного, убогого, и осознание, что в данный момент вытеснить убогое, отвратительное прекрасным почти невозможно, почти невозможно спрятаться и уйти, даже в самые точные «злые чернила», – вот для меня ключ к пленительной и горькой книге Елены Михайлик. Субъект здесь не отсутствует, но он всегда в проигрыше: знание снова ничему не помогло.

*Заходил василиск, подарил василек,
залетал мотылек, подарил василек,
 синий цвет – на разрыв, напрогляд, невпопад,
васильки-васильки, не тревожьте солдат...
Ты кого заклинаешь, ночной дуралей,
полевые цветы и царицу полей,
небеса над полями, скопленья кислот,*

¹ Никулин Н. Н. Воспоминания о войне. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2008 (http://lib.ru/MEMUARY/1939-1945/ПЕНОТА/nikuln.txt_with-big-pictures.html).

*ненасытное пламя горящих болот?
Лучшие злые чернила из них заварить,
запиши, как горит – все равно же горит...*

Злые чернила Михайлик, по моему ощущению, все равно полны именно человеческого, и главное – горестной жалости, к тому, что мы, любители и даже любовники русской словесности и подчас истории, оказались там, где оказались. Перед нами поэзия почтительного разочарования, когда ты не оставляешь своей привязанности к вот этой традиции, этому сонму имен и текстов, как бы ограничены ни были здесь смыслы.

В американском словаре есть понятие «monster» в смысле – мастер, чемпион, ас. Чудовище мастерства. Такова на сегодняшний день создавшая эту книгу: скажу вам по секрету, это очень трудный момент для пишущего. Здесь начинается сумрачный лес: я надеюсь, что именно туда мы и последуем за этим удивительным поэтом.

Полина Барскова

Часть первая

«Действительность, от которой воздух легкие рвет...»

Т. А.

Действительность, от которой воздух легкие рвет,
подлежит неукоснительному превращению в анекдот,
в небрежный полет ласточки над предвечерней рекою,
во вкус и запах покоя, шестигранный змеиный мед,
чай с лимоном и словом, здесь и сейчас,
а жемчуг, послойно хранящийся про запас,
произведут совсем на других глубинах,
на других руинах, без воздуха – и без нас.

«разные смеси меда, ни яда...»

разные смеси меда, ни яда,
ящик тушенки и всех обратно,
правильно построенная баррикада,
в первую очередь – аккуратна,
она не торчит во все стороны сразу
воплощением сартровского испуга,
все, что доступно пуле и глазу,
пристально держится друг за друга,
чтобы людской резерв быстротечный
пережил конкретную дату,
сцеплены трамвай на конечной, эта луна и эта цитата,
два башмачка, фонарей отростки,
ветер, вечно дующий в спину,
чья-то рябина на перекрестке
и все, что рифмуется с той рябиной,
дольник хромающий, ямб неверный,
уличный говор, неговор книжный,
пушкин от классики до модерна,
классика тверже, модерн – подвижней,
и археолог, читатель строгий,
кости и мусор спросит устало:
что за культурный слой поперек дороги? —
рифма, она здесь всегда стояла.

«От лесотундры до небританских теплых морей...»

От лесотундры до небританских теплых морей
птицы и ангелы сходят с ума от человеческих дочерей,
говорят, для них несущественно, кто еврей, а кто
нееврей,
они просто влетают в окно, роняют перо,
вдоль стекла грохочет последний вагон метро,
потому что метро идет сквозь все времена,
даже там, где жив и хищен его мазут,
где вагоны сквозь толщу песка и воды ползут,
но по-прежнему тормозят у того окна,
да, окна, в котором белый и длинный свет
достаёт до самого дна,
до любых костей, идей, людей, лебедей,
до любого дня, даже до того, где легка, смугла,
улыбнулась эта девочка из никогда и нигде,
вышла замуж за плотника, мальчика родила.

«Ты хочешь сказать, что этот шлимазл...»

Ты хочешь сказать, что этот шлимазл
воплотился вот в эту плоть,
и с утра пораньше бродит здесь по воде?
Ломает рыбу, солит ломоть, запивает тем,
что пошлет господь,
рыбаков приманивает крошками в бороде?

Ты хочешь сказать, что это из-за него
чайки выучили иврит,
(хотя арамейский акцент – непобедим),
и теперь проповедуют буддизм
отсюда до самых Касситерид,
но рыбу едят, рыбу мы все едим.

Ты хочешь сказать, что эта рыба...
нет, рыба не говорит,
она всевышним благословлена от носа и до хвоста,
а потому никакой генетик ее не оплодотворит,
ее тело – летучий александрит, горящий как три куста,

из которых вот этот же в прошлый раз
общался с одним таким,
не напасешься таблиц, не ототрешь никаким песком,

никакой проточной водой,
ты им про город, ты им про дом —
а они тебе строят Рим,
и радужный мост, и башню до звезд,
и станцию над звездой,

с прозрачным парусом-плавником
и надписями на нём,
а внутри течет все та же река, края ее словно нож,
и под радужной пленкой любой язык
по-прежнему глух и нем,
ходи осторожней, промочишь ноги —
до смерти не доживёшь.

«По болоту, по крылья в зеленом лягушечьем тираже...»

По болоту, по крылья в зеленом лягушечьем тираже
бродит птица выпь в именительном падеже
и откуда взялась, никого не спросишь уже,
потому что ушли в словари мешёра, мера и весь
и одна морошка морочит путников здесь,
обшивает кочки, раскидывает желтую сеть,
имитирует север, до которого лететь и лететь.

«Уважающая себя женщина останавливает быка...»

Уважающая себя женщина останавливает быка
вязальной спицей, одним ударом,
 слегка изогнувшись внутри оборок,
а потом уходит варить варенье
 из тумана, лимона и болотного огонька,
заготавливать летние вечера,
 запечатывая между створок.

Уважающая себя женщина возникает
 из предрассветной мглы,
совершает простейшие манипуляции,
 и мгла перед нею послушно тает,
и никто никогда не скажет ни слова
 об устаревшей модели метлы,
на которой она летает.

Уважающая себя женщина ежечасно
 собирает себя из трех половин —
из домашней весны, горящей листвы
 и звезды, что над кромкою крыш повисла,
она может быть счастлива и несчастна
 по сотне мелких причин
и одной большой, о которой даже

упоминать нет смысла.

Горнорудный вальс

Этот город как дятел земную кору долбит,
из-под камня его лоббирует трилобит,
потерявший привычный выход к морскому дну,
сохранивший панцирь, ощутивший себя как вещь,
у него одна надежда – на нож и ковш,
на подземную мышь, грызущую корни гор,
на холодную металлическую луну,
наводящую сигнал сквозь пласты, в упор,
вот он выбрался, выполз, на рыжей гряде застыл —
поутру над карьером дышит дымное серебро,
ископаемый? значит здешний, значит, добро
пожаловать в Брокен Хилл.

«Ты проснешься, увидишь, что время село на мель...»

*Где выюгу на латынь переводил Овидий.
А. Тарковский*

Ты проснешься, увидишь, что время село на мель,
что от края земли до сердца твоих земель
виноград и плющ, и перекипевший хмель
заплетают пашни,
государь, господарь, гремучий хозяин льда,
ты бы впредь проверял, кого ссылают сюда,
за какие шашни.

Кто пришел, кто скрестился, прижился,
хлестнул из жил,
над замерзшей степью, где только канюк кружил,
тонкой черточкой – привет реввоенсовету,
и теперь в лавровых, средь бабочек и выюнков
по ночам менады ищут себе волков,
а родную вохру просто сжили со свету —
и уже не охранишься ни от чего,
вот и плачется превращенное вещество,
не узнав округи,
где звенит левантиец привкусом всех пустынь...
– Ну откуда на нас взялась вся эта латынь?
– Да из выюги, товарищ Мираж,

как всегда, из вьюги.

«Встала из мрака богиня соленых вод...»

Встала из мрака богиня соленых вод,
на Пастернака, метеоролог, труби поход,
хлещет потоп, зеленый, фиолетовый, золотой,
от начала времен параллельно ничьей земле,
это все он со своей неуверенной правотой
и контрабандными чернилами в феврале,
встала его обида от Антарктиды, от солнечных ледников,
город чихнул и пропал из виду,
а также из писем и дневников,
у остановки – автобусов нет,
остается ждать бригаantin,
дышит ливнёвка на ладан,
на чубушник и на жасмин,
встало, объяло дымом,
не формалином – так янтарём,
Ной проплывает мимо —
говорит, непарных мы не берём,
он не владеет рифмой, новой привычкой
средних веков, промежуточных мокрых дней,
он уже взят в кавычки, вычтен вместе с ковчегом,
землей и всем, что плывет над ней,
дождь хлынул – не остановишь, но невозмутим
юго-восточный встречный пассат,

сонмы морских чудовищ привычно плывут на работу
сквозь райский сад,
пусть он, как хочет, пишет, но видишь,
между чернильных грив
в море слоями вышит – и лезет выше —
на красный свет, как обычно, – барьерный риф.

«Откапывая очередное завтра, глядя как крошится земля...»

Откапывая очередное завтра, глядя как крошится земля,
куда подевались динозавры, не спрашивай журавля,
всехяден, всерыщущ, благоразумен,
 езде впечатан в петит,
он никуда отсюда не умер, он все еще летит.

Наблюдая закат в молдавской зимней полупустыне,
где лиса ныряет в сугроб на корпус, слышав мышь,
понимаешь: все, что ты думаешь,
 проще уже сказать на латыни —
но на ней ты и говоришь.

Чей водород проплывает мимо, чей алеф – иль текел —
 несет стена,
написано углекислым дымом
 на листьях хвоща или плауна,
и ты проходи осторожно мимо, не то припомнишь,
 прямо с утра,
кем это лицо бывало вчера —
какой пожар торчит из-под грима,
и выпадет пеплом твое «тогда»
 в годичный слой гренландского льда.

«Составить до половины список больших кораблей...»

Пришел невод с травой морской...

Составить до половины список больших кораблей,
сбиться со счета, проснуться, открыть «Эксель»,
взять источники, внести, изменить формат,
импортировать в сон
и уже на той стороне вспомнить, что ты – незряч,
и не можешь здесь прочитать тоннаж, имена гребцов,
гавани приписки и
прозвища царей,
что ж, придется обходиться собой, строкой
и соленой смесью из слухов, тоски, легенд,
что выкатывается в речь как ночной прибой,
приносящий добычу хозяевам маяков,
просыпаться нет смысла – рассказчик всегда слеп
на любой войне,
о любой войне,
из любой.

«Случайно нашел пропавшие Варовы легионы...»

Случайно нашел пропавшие Варовы легионы
где-то в Южном Крыму или на Кавказе,
мгновенно запил, ночами грузил вагоны,
жил у каких-то волчиц на какой-то хазе,
понимал: при любом раскладе ему не светит,
промолчишь – оскорбится Август, опубликуешь – эти,
им ведь тоже осточертели болота, сено, солома,
а в Причерноморье и климат почти как дома,
греки живут и девушки черноглазы,
правда, язык калечит гортань и туманит разум,
но спустя пару лет лишь турист отзовется кратко,
что местное ополчение марширует римским порядком...
В общем, как ни крути, открытие выходит боком,
на работе шпыняют, требуют научной работы,
впрочем, Дионис оказался приличным богом —
как-то во сне явился вполоборота
и сказал – вино для веселья, а не для страха,
так что давай, археолог, вставай из праха,
поезжай на юг, где курганы раскопы щерят,
и копай себе, что копается, наудачу,
публикуй у псоглавцев – псоглавцам никто не верит,
потому что дышат и воют они иначе.

«Сбежала какая-то сволочь, украв луну...»

Сбежала какая-то сволочь, украв луну,
бесхозные волны терзают материки,
вишни взывают о гибели к плауну,
звезды огромны, воды, само собою, горьки.
скоро – мечта профсоюзов – до дна сократится день,
скоро – какая физика! —

солнце и ветер всех возьмут в оборот,
шарик с горящей шапкою набекрень,
катится так, что никто уже не найдет.

В городе, где квадрат зданий не спит, не спят,
отбрасывая эхо на весь фольклор —
на мостовой – прожилки руды, слюда.
где ни ложишься, не окажешься одинок,

там

посреди площади поднимается отсутствующая тень,

остроугольная, уютная, как всегда,
бедный Евгений, не нужно смотреть в поток,
бедный Евгений, не нужно искать зазор,
станешь как автор, узнаешь все наперед...
Полюса немедля зарываются в плотный лед,
наклоняется ось, день продолжает счет.

Тень говорит луне: товарищ, не бойся, иди сюда.
И луна идет.

«Заходил василиск, подарил василек...»

Заходил василиск, подарил василек,
залетал мотылек, подарил василек,
 синий цвет – на разрыв, напрогляд, невпопад,
васильки-васильки, не тревожьте солдат.
Мимо русла горы, мимо склона реки,
все-то пушки остры, заряженны штыки,
под землею скользят броневые суда,
васильки-васильки, не растите сюда.
Ты кого заклинаешь, ночной дуралей,
полевые цветы и царицу полей,
небеса над полями, скопленья кислот,
ненасытное пламя горящих болот?
Лучше злые чернила из них заварить,
запиши, как горит – все равно же горит.
Все равно ни степи, ни руки, ни строки.
Васильки, васильки, васильки, васильки.

«Является скучная сухая вареная рыба...»

Т. А.

Является скучная сухая вареная рыба, например, щука в горчичном соусе, и начинает объяснять, что Волга не впадает в Каспийское море, а впадает в него Кама, а в Каму впадает тоже не Волга, а Ока, а Волгой является только Волга Верхняя, и ей, уважаемой рыбе, недоразумение это надоело, и предъявляет кольцо, которым ее противоправно и вопреки географии окольцевали в 1921 году, нашли и время, а потом выловили еще раз в 42 и тогда уже съели, всю, с солью и горчицей, ничего другого не было, наши, конечно, немцы не дошли до Волги, то есть до Оки, то есть до Камы, и вообще, если бы ее немцы съели, она являлась бы немцам – и они бы ей не отказали в таком пустяке: снять треклятое кольцо с надписью «Нижняя Волга», им-то что, а с нашими уже и выросла в человеческий рост, и ходишь к ним семьдесят лет – ни в какую.

«Молодежь разучилась не только пить...»

Молодежь разучилась не только пить,
старичье почти разучилось петь,
мистер Бонд разлюбил королеву Маб,
а Советский Союз взял и исчез,
поголовье мифов сократилось на треть —
право, не знаешь, куда смотреть:
чтобы серый волк завелся в лесу, необходим лес.

Вот он и лезет из всех щелей —
гигантские папоротники и хвощи,
он тоже забыл, что у нас на дворе,
и растет, сколько хватит сил и земли,
когда-нибудь он станет углем
(а мы не станем — ищи-свищи),
когда-нибудь он станет углем, питающим корабли.

Под сенью небес – паровозный дым,
типографский шрифт для грачей и ворон,
под семью небесами снова тепло.
над городами ручной неон
беседует с миром на пять сторон,
и включаются в некогда прерванный разговор,
вспоминая себя, пласты нефтяных озер,

и самый асфальт – воскрес.

«Ветер встал от восточных гор, закрывая дорогу в Сад...»

Ветер встал от восточных гор, закрывая дорогу в Сад,
теперь он приводит в движение воду,
толкает каждый росток.

Ушедшие навстречу ветру не приходят назад,
и значит, те из нас, кто устал, выбирают путь
на восток.

Это очень большая земля, а нас немного живет на ней,
мы не можем себе позволить
выбрасывать любые дары,

Пламя меча на границе Сада —
ориентир для птиц и коней,
чудные тернии и волчцы питают наши костры.

Реки серы, реки огня – прекрасное топливо
для машин,
наше железо уходит в землю, земля дает пшеницу
в ответ,

Свет, которому мы не внимлем,
пригоден для измерения лет,
и прах земной создает кувшин —
и то, что льется в кувшин.

Ангелам все это несколько странно,
слетая в последний час,
они висят в слоях атмосферы, как придонная рыба

ВО ЛЬДУ.

Но сотворивший левиафана и вслед сотворивший нас, вероятно знал, что он имел в виду.

«Архивная мышь, успешно проскочив Аргонат...»

Э. Ц.

Архивная мышь, успешно проскочив Аргонат,
избавившись от счетных, а также несчетных бед,
все равно каждый раз роняет очки в шпинат,
а шпинат на паркет,
вспоминая солнечный мармелад и тетушку Ганимед.
Она, конечно, делала, что могла – шуршала,
летала по кухне так, что посуда
разбегалась к Чуковскому, плача и дребезжа,
предупреждала,
что герои в лаборатории являются признаком мятежа,
да, не только здесь, да, повсюду.
Она читала.

И когда революция арестовала источник зла,
заявила: теперь все пойдет на лад —
с цветами и цирком – и совсем по-другому,
мышь, как обычно, архивной памятью
всё правильно поняла —
и ушла из дому.

Да, сбегала в первое попавшееся бытиё,
чтобы помнить людей, пока они живы,
и историю – пока не закрыта,

потому что с тех пор, как эта девица —
невоспитанная, в 1865 – затопила её жильё,
мышь запомнила тот поворот сюжета,
за которым не остается быта.

Так что, затариваясь крекерами
в хоббичьей уютной норе,
слушая краем уха про поход на дракона,
мышь автоматически отмечает дату на календаре,
потому что и здесь закончилось время оно.

А тот, седой, похожий на доктора,
тоже всё с фейерверками,
бросит взгляд на её заплечный мешок,
и скажет: «Да всё у них хорошо,
не горюй, возвращайся, там всё в порядке,
мармелад – апельсиновый,
небо – синее,

воздух – блестит как паучий шелк,
я покажу, как выбраться по закладке.

Понимаешь, у нас другое небо и другая земля,
та самая, что видна сквозь облако, лист

и дыру в заборе,
здесь – по договору – никогда не бывает горя
ни от плебейской республики по цеховой раскладке,
ни от коммунизма, ни от возвращения короля».

«Место рядом с водителем...»

Место рядом с водителем – место не смертника,
а стрелка и проводника.

Навигатор читает землю, помнит маршрут,
экономит нервы,

и когда в лобовом стекле проявляется неожиданная река,
он выходит первым.

Остается радуга, – давний дорожный знак,
семислойный завет:

никаких потопов, комет, гроза пройдет стороною.

И поверхностное натяжение очень быстро
заращивает просвет
за его спиною.

*– Скорость – восемьдесят, тяготенье вполне земное,
наведи меня, поговори со мною.*

«Светофор на углу превратился в орла...»

Светофор на углу превратился в орла —
перья, когти, солома, селитра, смола...
ни на дачу сгонять, ни с друзьями в футбол,
если клеится каждый орел.

А в метро розовеет уральская медь,
и ситро в голове не стесняется петь,
и в сплетенье трамвайных вайфайных путей
пролетает титан Прометей,

Там огонь доставляет домой поезда
и тебе не под силу пробиться туда,
и с плакатов создатели бед и побед —
Ганимед, говорят, Ганимед.

Но растет как река у корней языка
та таблетка, монетка, жетон ездока,
что оплатит дорогу на город, на свет,
в мир, в котором бессмертия нет.

«На прибрежной тропе, где церковный звон...»

На прибрежной тропе, где церковный звон
не достаёт за черту маслин,
за вторым поворотом Наполеон
повстречал девчонку из нефилим.
Она была как дождь проливной,
как солнце в степи, как предзимний дым,
была пожаром, плыла волной,
стояла стеклом, числом и стеной,
и облаком над горящей сосной —
а он сказал ей – «Пойдем со мной»,
и, конечно, она полетела с ним
до южных морей, до конца, дотла,
пока над дорогой гудит прибор
и есть кому повторить «Возьми».
А вот войной она не была,
война случилась сама собой,
как оно бывает между людьми.

«Об отечественных филологических школах...»

Об отечественных филологических школах

когда-нибудь снимут приключенческое кино,
сериал в китайском костюмном стиле:

с хронологией в ключья и страстями по росту,
где одни собирают броневики, другие вставляют статьи
и спектакли в каждое подвернувшееся окно,
а третьи увозят библиотеки по горящему мосту,
даже раньше, все еще здесь, и живы, все впервые,
все на передовой,

язык и реальность послушно гнутся,
часы задумчиво бьют пятнадцать,
двадцатый век, материал и убийца,
висит как фонема над головой —
не желает стать звуком и начинаться,
но не в силах не начинаться,

ибо те, кем в «Яблочке» кормят рыбу,
предопределены рифмой второй строки,
а те, кто кормит, без исключения вышли
из гоголевской шинели,
пока курско-орловский говор рвется
в литературные языки
и намерен актуализоваться посредством всех,
что покуда не околели,

а вдали плывет Петербург, подобный черной реке
и поэтажно горящему кораблю,
а я смотрю и не сплю, не сплю – и не сплю,
пока Поливанов
идет на свидание в тюрьму к научному руководителю,
бывшему иерусалимскому королю,
и не знает, что он и сам – система транслитерации,
отдел Коминтерна и безнадежно мертвый герой романа.

«Авианосец болен, матросы с него бегут...»

Авианосец болен, матросы с него бегут,
отставной командир корабля популярен как Робин Гуд,
его «Наутилус» орудья щерит из любых водных прорех,
у него под водой настоящий Шервуд – он принимает всех.

Командование не желает искать следы на воде
ни в политической, ни в сетевой, ни в океанской
среде,
оно читало все те же книги и смотрело то же кино
и знает, что при столкновении с архетипом
его дело – обречено.

Все его звезды смерти взорвутся (а потом взорвутся
на бис),
треножки и летучие блюда образуют сервиз,
продажная пресса продаст другому,
скелет развалит клозет,
в общем, стоит им выйти из дому, как их всех
поглотит сюжет.

У экс-командира та же проблема: архетип за него
горой,
а он не капитан и не Немо, он вообще не герой.

зачем ему наводить справедливость
 подобно чумной звезде?
он хочет а) жить и б) быть счастливым,
 просто делать это – в воде.

Авианосец плачет, ржавея от собственных слез,
он мечтает работать пляжем, а не быть средоточием
 гроз,
он пытается слиться с ландшафтом,
 стать одной из прибрежных плит,
но у сюжета есть автор – и автору нужен конфликт.
Впрочем, автор – сугубое меньшинство,
 и судьба его горестна и проста:
те, кто создан им, погубят его – с той стороны листа.

«Генетическая разница между двумя видами кукурузы...»

Генетическая разница между двумя видами кукурузы больше, чем между человеком и обезьяной.

Кукуруза уходит плакать за колхозные шлюзы, возвращается пьяной.

Ничего, говорит, не помню, не жду, не знаю, давно я подозревала, что я себе не родная.

Отвечает ей марь-трава, индийский сорняк,
отчетливо, злобно:

может, не имеешь родства, зато ты съедобна,
птицам и мышам хороша, и любезна людям,
потому и дальше будешь дышать, когда мы не будем.

Кукуруза помнит долину, речную тину, солнце,
клочья тумана,

всех, на кого натыкались корни – от Украины
до родного Теуакана,

думает: без обмена материалом здесь обошлось едва ли,
а меня ж еще опыляли.

Значит есть родство, Дарвин в небе, в мире – порядок.
На вокзале купи початок, попробуй – сладок,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.